

Вячеслав Щука Карантинная зона Земля

Вячеслав Щука

Карантинная зона Земля

<https://litres.ru/74140184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если наша планета — это задыхающаяся тюрьма, а Чёрные души у руля стёрли нам память? Студент Егор узнаёт страшную правду, когда случайный инцидент срывает блокировку с его разума.

Он вспоминает свои прошлые жизни и силу древней магии. Объявленный в розыск системой Тьмы, Егор объединяется с Надей — девушкой, несущей в себе свет великого Зодчего. Смогут ли двое пробудившихся одиночек сломать тоталитарный режим и вернуть людям их истинный дом?

Содержание

Глава 1

4

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Вячеслав Щука

Карантинная зона Земля

Глава 1

Пролог. Мир второго шанса

Никто из живущих не помнил того времени, когда мир носил другое имя. Даже самые древние книги, сохранившиеся в пыльных архивах старых монастырей и полузабытых библиотек, рассказывали лишь о Земле — единственном названии, которое человечество считало истинным. Люди рождались под этим небом, проживали свои короткие жизни и умирали, не подозревая, что вместе с памятью о собственном детстве утратили и память о происхождении самого мира.

Однако было время, когда Земли не существовало. Была Грязь. Слово грубое, неприятное для слуха и лишённое всякого величия. Настолько неприятное, что многие, услышав его впервые, наверняка решили бы, будто речь идёт о насмешке или проклятии. Но Создатели, давшие миру это имя, вкладывали в него совсем иной смысл.

Грязь не была наказанием. Она не была адом. Она не была местом вечных мучений. Грязь была надеждой. Послед-

ней надеждой для тех душ, которые слишком далеко ушли от Света, но ещё не утратили способности вернуться обратно.

За пределами пространства и времени существовал Чертог Равновесия. Ни один человеческий язык не смог бы точно описать это место. Одни сравнили бы его с бесконечным храмом, построенным из света и тишины. Другие увидели бы в нём океан звёзд, не имеющий ни начала, ни конца. Третьи сказали бы, что Чертог вовсе не является местом в привычном понимании слова, а представляет собой состояние бытия, которое невозможно выразить образами.

После завершения каждой жизни душа приходила туда. Одни покидали Чертог быстро. Их путь был завершён. Другие отправлялись дальше, продолжая долгое восхождение к пониманию тайн мироздания. Но существовали и те, кто не мог идти дальше. Не потому, что был проклят. Не потому, что был отвергнут. А потому, что сам нёс в себе слишком тяжёлый груз. Жадность, жестокость, гордыню, ложь, предательство, страх. Всё то, что постепенно превращает душу в пленника собственных теней. Для таких душ и был создан особый мир. Мир, где можно начать заново. Мир, где прошлое забывается, а будущее снова становится открытым. Так появилась Грязь.

Первые эпохи её существования напоминали долгую весну. Души приходили сюда, проживали новые жизни, совершали ошибки, учились на них и постепенно менялись. Никто не помнил своих прежних воплощений, но в глубине серд-

да каждый чувствовал слабый внутренний зов, который направлял его к добру. Люди строили города, создавали семьи. Любили, страдали, прощали. Именно так работал замысел Создателей. Испытание не должно было быть лёгким. Но оно должно было оставаться честным. Однако с течением времени произошло нечто, чего не ожидал никто.

Среди бесчисленных душ появились те, кто сумел сохранить крошечные фрагменты памяти между воплощениями. Сначала это были лишь смутные ощущения. Необъяснимые страхи и странные сны, внезапные знания. Но с каждым новым рождением воспоминания становились всё яснее. Некоторые души использовали этот дар, чтобы помогать другим. Другие увидели в нём возможность получить власть. Именно тогда были посеяны первые семена грядущей катастрофы.

История редко меняется за один день. Настоящие бедствия приходят медленно. Настолько медленно, что люди успевают привыкнуть к ним раньше, чем понимают опасность. Сначала появились правители, которые ставили собственную выгоду выше справедливости. Потом возникли учения, оправдывающие ложь и жестокость. Затем были уничтожены древние знания. После этого пришёл черёд самой памяти. Тысячелетиями мир незаметно менялся. Легенды исчезали. Архивы горели. Храмы разрушались. Слова теряли первоначальный смысл, а люди всё реже задавали вопросы. И всё чаще принимали навязанную им картину мира как единственно возможную истину.

Те, кто стоял за этими изменениями, называли себя по-разному. Царями, мудрецами. Пророками и учителями. Но позже Хранители Памяти дадут им другое имя. Чёрные души. Не из-за цвета кожи или одежды. И даже не из-за совершённых преступлений. Их называли так потому, что внутренняя тьма стала для них не болезнью, а выбором.

Когда Великая Подмена завершилась, мир уже невозможно было узнать. Последним ударом стало уничтожение самого имени. Грязь исчезла из истории, книг, памяти. Из человеческой речи. На её месте появилась Земля.

Новое название было красивым. Привычным и безопасным. Оно не вызывало вопросов. А потому идеально подходило тем, кто стремился скрыть правду. Казалось, победа Чёрных душ стала окончательной. Но они допустили одну ошибку. Ту самую ошибку, которую всегда допускает тьма. Они забыли, что истина способна жить не только в книгах. Она может жить внутри человека. В его совести, в его выборе. В его стремлении к справедливости. В необъяснимом чувстве, что мир устроен не так, как должен быть устроен. Иногда этого оказывается достаточно, чтобы спустя тысячи лет память начала возвращаться.

Именно это произошло в тот день, когда в одном из обычных городов Земли родился мальчик по имени Егор. Человек, которому предстояло вспомнить то, что мир старательно забывал многие века.

Глава 1

Детство Егора прошло в Светлогорске — гигантском, задыхающемся от угольного дыма и неоновом блеска мегаполисе, который стальными когтями вцепился в суровую сибирскую землю. Зимы здесь были бесконечными и безжалостными, а лето пролетало как минутная вспышка. Город жил по жестким законам: огромные заводы Чёрных душ круглосуточно коптили небо, а люди, словно винтики в огромном механизме, послушно ходили на работу, не задавая лишних вопросов.

Семья Егора была самой обычной, из тех, кого называют «солью земли», хотя в контексте истинной истории мира это звучало двусмысленно. Отец, Михаил Юрьевич, работал инженером-проектировщиком на одном из ведущих обогащительных комбинатов. Это был молчаливый, рано поседевший человек с тяжелым взглядом, который привык подчиняться инструкциям и искренне верил, что стабильность — это высшее благо. Мать, Елена Николаевна, преподавала литературу в школе. Она была мягче отца, любила читать Егору перед сном, но её выбор книг всегда строго контролировался школьной программой, утвержденной городским департаментом. Никаких вольностей, никакой «лишней» философии.

Егор рос среди этой предсказуемой серости, но никогда не чувствовал себя её частью. Внешне — худой, темноволосый

мальчишка с пронзительными, слишком серьезными для ребенка серыми глазами, он обладал пугающей способностью становиться невидимым для окружающих. В школе он не искал лидерства и не был аутсайдером; он просто научился сливаться со стенами, избегая шумных компаний. Его считали странным.

Мать часто вспоминала случай, когда семилетний Егор, разглядывая карту мира в её кабинете, вдруг тихо произнес: — Мам, а почему мы называем это место Землёй? Ведь это не она. Земля должна быть другой... более живой, что ли. А это... это просто застывшая грязь. Елена Николаевна тогда испуганно шикнула на сына, закрыла дверь кабинета и долго объясняла ему, что такие вещи говорить вслух опасно, а название «Земля» — священно и единственно верно. Но Егор запомнил то липкое, гнетущее чувство фальши, которое сковало его детское сердце.

Чем старше он становился, тем сильнее росла его отстраненность. Егор страдал от хронической бессонницы. Причиной были сны. В них не было привычных человеческих сюжетов — погонь, падений или бытовых сцен. Ему снилась бесконечная, звенящая тишина и мягкий, не режущий глаза свет, который окутывал его, словно теплая вода. В этих снах он чувствовал себя абсолютно защищенным, легким и... чистым. Просыпаясь в пять утра от гудка заводской сирены и вида серых панельных многоэтажек за окном, Егор чувствовал себя так, словно его без одежды выставили из теплого

дома на сибирский мороз. Этот контраст порождал глубокое одиночество. Он чувствовал себя чужаком, которому забыли выдать правила игры, по которым живет весь остальной Светлогорск.

Глава 2

Переломный момент наступил в конце ноября, когда Егору исполнилось двадцать два года. Он учился на последнем курсе исторического факультета местного университета — выбор, который подсознательно диктовался его желанием докопаться до истины, хотя официальные учебники истории вызывали у него лишь тошноту своей стерильностью.

В тот вечер он задержался в университетской библиотеке допоздна, выписывая архивные данные о строительстве первых заводов Светлогорска. На улицах уже всюю хозяйничала сибирская метель. Снежная крупа больно колола лицо, а шквалистый ветер раскачивал тяжелые кованые фонари, отчего тени на асфальте плясали, словно живые существа. Егор шел, натянув капюшон глубоко на глаза, мечтая поскорее добраться до своей тесной съемной комнаты.

Чтобы срезать путь к метро, он решил пройти сквозь арку старого квартала, застроенного мрачными кирпичными домами еще сталинской эпохи. В этом месте уличный шум мегаполиса глушился, уступая место завыванию ветра. Именно там Егор слышал звуки борьбы — глухие удары, шорох тя-

желой ткани и хриплый, прерывистый вздох.

Остановившись у края кирпичной арки, Егор заглянул в тупик. Картина, представшая его взору, не вязалась с обычной уличной дракой. В полумраке, едва разгоняемом мигающей зеленой неоновой вывеской закрытого ломбарда, двое мужчин методично избивали третьего. Нападавшие выглядели неестественно для этого неблагополучного района: безупречные, дорогие шерстяные пальто, идеально выглаженные брюки, начищенная обувь. Они двигались с пугающей, синхронной точностью, словно элементы одного механизма.

Их жертвой был старик. Он лежал на грязном снегу, прижимая к груди длинный кожаный тубус, покрытый старыми ремнями. Старик не кричал и не просил о пощаде. На его лице, перемазанном кровью и сажей, застыло выражение яростного упрямства. Из последних сил он хрипел, глядя в лицо одному из нападавших: — Вы можете сжечь бумагу... Но истину вам не закопать. Тьма всё равно ослепнет, когда придет время...

Один из мужчин в пальто, чье лицо оставалось абсолютно бесстрастным, словно высеченным из камня, медленно перехватил тяжелую трость с массивным серебряным набалдашником в виде волчьей головы. Он замахнулся, явно намереваясь нанести точный, смертельный удар в висок старика, чтобы закончить дело.

Внутри Егора словно лопнула натянутая струна. Обостренное, почти болезненное чувство справедливости,

которое он подавлял в себе годами, вырвалось наружу. Страх, который обычно парализовал его в минуты опасности, испарился, уступив место ледяной, яростной уверенности. Он не думал о том, что противников двое, что они сильнее и могут быть вооружены. На автомате Егор сделал шаг вперед, перехватил руками, лежавший возле мусорного бака обломок тяжелой деревянной паллеты с торчащими ржавыми гвоздями и, издав глухой рык, бросился наперерез.

Удар пришелся точно по затылку мужчины с тростью. Дерево с треском переломилось.

Мужчина покачнулся, его идеальная шляпа слетела в грязь, но он не упал и даже не вскрикнул. Он медленно, с механической плавностью развернулся к Егору. И в этот момент парень почувствовал, как волосы на его голове встали дыбом от первобытного ужаса.

У этого человека не было человеческих глаз. Из-под бровей на Егора смотрели две бездонные провальные ямы. Вся глазница нападавшего была заполнена брызжущей, шевелящейся абсолютной чернотой, которая словно поглощала падавший на нее зеленый свет неона. Чернота пульсировала, в ней не было ни зрачков, ни белков — только живая, концентрированная тьма. Это была не болезнь и не мутация. Это была выбравшаяся наружу суть существа, чья душа полностью сгнила и превратилась в осознанный выбор. Чёрная душа.

— Еще один сорняк, — глухо, будто через толстый слой мокрой ваты, произнес мужчина.

Движение его руки было настолько быстрым, что Егор даже не успел хоть как-то защититься. Ледяные пальцы мертвой хваткой сомкнулись на горле парня, приподнимая его над землей. Егор забился, пытаясь разжать этот капкан, но пальцы незнакомца были твердыми, как титановые тиски. Воздух мгновенно покинул легкие, в глазах замелькали кровавые пятна.

Но вместе с удушьем пришло кое-что похуже. Тьма нападавшего через прикосновение начала перетекать в Егора. Парень физически почувствовал, как в его разум вторгается чужеродная, гнилая воля, пытающаяся раздавить его личность, сжечь его мысли и превратить в покорную куклу. Это было агрессивное, смертоносное ментальное нападение.

И именно эта смертельная угроза, этот колоссальный внешний напор сломал ментальный замок, который Создатели наложили на память Егора перед его рождением, чтобы уберечь его неокрепший разум.

Вспышка.

Реальность Светлогорска, грязный переулок и хрипы старика исчезли. Сознание Егора провалилось в бездну, где время текло вспять с бешеной скоростью. На него обрушился титанический, сокрушительный поток чужих, но одновременно абсолютно *его собственных* воспоминаний.

Перед его мысленным взором с быстротой молнии пронеслись тысячи его прошлых жизней:

Вот он в образе воина в тяжелой, забрызганной кровью

кольчуге падает на поле боя, пронзенный стрелами. Он чувствует запах сырой, жирной, пахнувшей дождем и торфом земли. Земли, которую тогда все звали Грязью.

Кадр меняется: теперь он — молодая женщина в лохмотьях, прижимающая к себе плачущего ребенка в подвале осажденной крепости. Стены рушатся от ударов катапульт, повсюду крики, но внутри нее — непоколебимая вера, что это испытание нужно пройти до конца.

И, наконец, финальная точка — Чертог Равновесия. Океан мягкого света и абсолютного покоя. Его собственные руки, сотканые из чистой энергии. И глубокий, вибрирующий голос, доносящийся отовсюду и ниоткуда: *«Ты должен вернуться. Твой путь очищения не завершен. Этот мир суров, но он исцелит тебя и исправит твои ошибки. Помни его истинное имя. Его имя — Грязь».*

Плотина рухнула окончательно. Тысячелетний опыт, накопленная мудрость, боль потерь и невероятная ментальная сила прошлых воплощений хлынули в сознание обычного двадцатидвухлетнего студента, заполняя каждую клетку его существа.

Егор резко открыл глаза. Он все еще висел в воздухе, удерживаемый Чёрной душой, но страха больше не было. На смену ему пришла древняя, величественная сила.

Чернота в глазах нападавшего судорожно дернулась, уступая место первобытному, животному испугу. Он почувствовал, что существо, которое он держит за горло, изменилось.

Глаза Егора вспыхнули ровным, чистым, невыносимо ярким внутренним светом, который буквально разрезал полумрак переулка.

Егор медленно, но с непреклонной силой поднял свои руки и перехватил запястье Чёрной души.

На этот раз закричал нападавший. В месте прикосновения пальцев Егора к коже мужчины в пальто раздалось шипение, и вверх повалил густой, едкий черный дым. Чистая энергия пробужденной души Егора жгла плоть врага, словно концентрированная кислота. Мужчина с криком разжал хватку, и Егор твердо встал на ноги, тяжело дыша, но твердо глядя на своих врагов. Он больше не был жертвой. Он вспомнил, кто он такой.

Второй нападавший, до этого момента безучастно наблюдавший за казнью старика, среагировал мгновенно. На его каменном лице не отразилось ни единой эмоции, но движения выдавали в нём натренированного убийцу. Он резко шагнул вперед, и из рукава его дорогого пальто со зловещим щелчком выкипело узкое, длинное лезвие из матовой вороненой стали. Этот клинок не отражал свет неоновой вывески — он словно впитывал его, оставляя за собой едва заметный шлейф холода.

Мужчина сделал выпад, целясь Егору точно в сердце. Но Егор, чей разум теперь оперировал рефлексами воина из прошлых воплощений, среагировал быстрее своего нынешнего физического тела. Он резко ушёл с линии атаки, чув-

ствуя, как лезвие с тихим шорохом рассекло воздух в миллиметре от его куртки.

Первый нападавший в это время всё ещё шипел от боли, прижимая к груди обожжённую, дымящуюся руку, на которой явственно отпечатался след от ладони Егора — кожа там обуглилась до кости, обнажая сочащуюся чёрную жижу вместо крови.

— Он пробудился! Забери его голову! — прохрипел первый, и его бездонные чёрные глазницы яростно запульсировали.

Второй Чёрный развернулся для нового, куда более опасного удара, но в этот момент старик на земле зашевелился. Собрав последние силы, Хранитель Памяти приподнялся на локте. Свободной рукой он нащупал на торце своего кожаного тубуса скрытый металлический механизм, похожий на старинный часовой ключ, и с силой провернул его три раза против часовой стрелки.

— Колёса Чертога вспять! — хрипло выкрикнул старик.

Из тубуса раздался тонкий, нарастающий свист, похожий на звук закипающего квантового реактора. Стыки кожаных ремней на нём раздвинулись, и оттуда ударил ослепительный, концентрированный луч лазурного света. Этот свет не был просто иллюминацией — он обладал физической плотностью. Волна энергии ударила в кирпичные стены переулка, порождая мощный электромагнитный импульс.

Зелёный неон ломбарда с громким треском взорвался,

осыпав асфальт стеклянным дождём. В радиусе ста метров мгновенно погасли уличные фонари, а у припаркованных неподалёку машин одновременно завывала сигнализация.

Но на Чёрных душ этот свет подействовал разрушительнее всего. Лазурная волна буквально отбросила их назад. Они закричали — глухо, утробно, словно этот свет выворачивал их наизнанку. Второй нападавший выронил клинок, который, едва коснувшись грязного снега, с тихим шипением растворился, превратившись в горстку чёрной золы.

Егора тоже ослепило. Ему показалось, что пространство вокруг него сжалось до размеров спичечной коробки, а затем резко расширилось. На секунду сибирский мороз сменился абсолютным вакуумом, а в ушах раздался колокольный звон.

Когда к Егору вернулось зрение, переулок был пуст.

Метель продолжала неистовствовать, заметая следы. Ни Чёрных душ, ни раненого старика, ни таинственного тубуса. Лишь разбитые плафоны неона, густой запах озона и обгоревшая деревянная паллета на земле напоминали о том, что это не было сумасшествием. Егор остался один в крошечной тьме затихшего переулочка.

Глава 3

До дома Егор добирался как в тумане. Общее состояние было не ахти и Егор решил отправиться к родителям. Ноги двигались сами, выбирая знакомые маршруты дворами, ми-

нужа освещённые проспекты. Голова раскалывалась от избытка информации: чужие имена, лица людей, которых он любил в прошлых веках, топография городов, которых давно нет на карте — всё это крутилось в его черепной коробке бешеной каруселью. Обычный студент исторического факультета Светлогорска пытался ужиться со знанием о том, что мир вокруг — это исправительная колония под названием Грязь, захваченная заключёнными.

Когда он переступил порог родительской квартиры в серой девятиэтажке, часы показывали половину одиннадцатого. Из кухни доносился уютный, тёплый запах жареных котлет и домашнего уюта — контраст с тем, что произошло в переулке, был настолько резким, что Егора едва не стошнило.

Мать, Елена Николаевна, сразу выбежала в прихожую. На её лице застыла тревога, пальцы судорожно мяли кухонное полотенце. — Егорушка! Господи, где ты был? На районе во всём квартале свет погас, подстанция взорвалась, говорят. Мобильная связь не ловит... — она осеклась, разглядывая сына. — Что с тобой? На тебе лица нет. И... куртка порвана? Тебя ограбили?!

Егор медленно разулся. Руки до сих пор подрагивали от остаточного адреналина. — Нет, мам. Всё в порядке, — его голос прозвучал чуждо и глухо, будто принадлежал сорокалетнему мужчине, а не её сыну. — Просто поскользнулся в арке. Там темень... Налетел на какой-то штырь. И телефон

разрядился.

— Ты бледный как мелок, Егор, — мать сделала шаг ближе, пытаясь заглянуть ему в глаза, но парень намеренно отвернулся, делая вид, что вешает куртку. Он панически боялся, что она увидит в его зрачках остатки того лазурного или золотого свечения. Боялся напугать её. Боялся, что её обычный, хрупкий мир разрушится, если она узнает правду. — Пойдём, я разогрею ужин. Отец уже спит, ему в первую смену на комбинат...

— Я не голоден, мам. Правда. Очень устал в библиотеке, голова раскалывается. Я сразу спать.

Не дожидаясь ответа, Егор прошёл в свою комнату и закрыл дверь на защёлку. Он сел на кровать, даже не зажигая настольную лампу. В темноте он поднял свои ладони и долго смотрел на них. Обычные руки парня. Но в глубине пальцев, где-то под кожей, всё ещё едва заметно циркулировало тепло — то самое, которым он выжигал плоть Чёрной души. Ему предстоит научиться с этим жить.

Глава 4

Прошло три дня. Светлогорск жил своей обычной жизнью: заводы дымили, неон мигал, люди спешили по своим делам, даже не подозревая о невидимой войне в подворотнях. Егор за эти дни почти не спал. Проснувшаяся память больше не штурмовала его мозг лавиной, она укладывалась,

распределяясь по полочкам, как старый архив. Теперь он точно знал, кем был в трёх последних воплощениях, и это знание делало его чужим среди сверстников. На лекциях он сидел на задней парте, глядя на преподавателей как на детей, которые зачитывают вслух глупые сказки.

В четверг после окончания занятий Егор задержался на кафедре древней истории. Профессор попросил его разобрать коробки со старыми монографиями. В коридорах университета уже было пусто, за окнами сгущались сибирские сумерки.

Дверь аудитории тихо скрипнула. Егор не оборачивался, думая, что вернулся профессор. — Я почти закончил с третьей коробкой, Аркадий Семенович... — начал он.

— Аркадия Семеновича я попросил зайти в деканат. У нас есть минут десять, не больше, — раздался знакомый, чуть хриплый, но теперь вполне крепкий голос.

Егор резко обернулся.

У двери стоял тот самый старик из переулка. Но сейчас он не выглядел беспомощной жертвой. На нём было строгое, хотя и поношенное полупальто, чистый шарф, а седые волосы были аккуратно зачёсаны назад. Синяки на лице странным образом почти затянулись, оставив лишь желтоватые следы. В руке он держал обычную деревянную трость, а за плечами у него висел тот самый кожаный тубус, обмотанный ремнями.

Егор инстинктивно сделал шаг назад, его тело напряглось,

готовое к бою или бегству. — Как вы меня нашли? — тихо спросил он.

Старик мягко улыбнулся, и в его глазах, обычных, человеческих, карих глазах, промелькнула глубокая, вековая мудрость. — Когда душа вспыхивает таким светом, Егор, её трудно не заметить. Хранители Памяти умеют искать своих. Позволь представиться. В этой жизни меня зовут Матвей Иосифович. А вот твоё истинное имя... точнее, твоё первое имя, я бы хотел услышать от тебя. Если ты, конечно, вспомнил.

Егор сглотнул вставший в горле ком. Воспоминания послушно подкинули нужный образ из Чертога. — Илай, — негромко произнёс парень. — В Первую Эпоху меня звали Илай.

Матвей Иосифович почтительно склонил голову, и в этом жесте было столько уважения, сколько Егор не видел ни разу в жизни. — Приветствую тебя, Илай. Мы ждали тебя слишком долго. Чёрные души полностью подмяли под себя Светлогорск, и это только начало. Великая Подмена переходит в финальную стадию — они хотят навсегда закрыть Чертог Равновесия, чтобы души кружились в этой Грязи вечно, превращаясь в их рабов. И ты — единственный, кто может им помешать.

Услышав своё древнее имя, Егор вздрогнул. Оно отозвалось в груди странной вибрацией, но, взглянув на свои ладони, испачканные пылью от университетских коробок, он

покачал головой.

— Егор, — твёрдо сказал он, глядя старику прямо в глаза. — Называйте меня Егором. Во всяком случае, пока. Здесь моя жизнь, мои родители, мой университет. Илай остался там, в Чертоге и в книгах, которых больше нет. Мне нужно привыкнуть к этому.

Матвей Иосифович понимающе кивнул, ничуть не обиженный. Он прошёл вглубь аудитории и присел на край первой парты, опершись на свою деревянную трость.

— Как скажешь, Егор. Адаптация — это тяжело. Большинство тех, кто частично вспоминает себя, со временем сходят с ума, потому что их разум не выдерживает веса двух реальностей. Но ты... ты особенный. Твой прорыв был полным. Ладно, у нас мало времени, спрашивай то, что мучает тебя больше всего.

— Всё, — честно признался Егор, присаживаясь на стул напротив. — Я вспомнил Чертог, вспомнил, что этот мир — Грязь, созданная для очищения. Но я не понимаю, что происходит здесь и сейчас. Кто эти люди с чёрными глазами? И почему они правят Светлогорском?

Старик тяжело вздохнул, и его взгляд стал тусклым, будто он смотрел сквозь стены здания.

— Чёрные души — это те, кто отказался исцеляться. В первые эпохи Грязь работала идеально: люди рождались, страдали, осознавали свои ошибки и возвращались в Свет. Но со временем среди нас появились те, кто полюбил здеш-

ние пороки. Жадность, власть, жестокость — в Чертоге Равновесия этого нет, там все равны. А здесь они могли быть богами. Они научились задерживать крохи памяти, объединились и совершили Великую Подмену. Они переименовали мир в Землю, чтобы никто не искал спасения. Они внушили человечеству, что после смерти ничего нет, либо построили ложные религии, чтобы запутать людей.

Матвей Иосифович указал тростью в сторону окна, за которым высились дымящие трубы обогатительного комбината.

— Светлогорск — это их идеальная модель. Город-завод, город-тюрьма. Они контролируют здесь всё: от мэрии и полиции до крупных корпораций. Заводы выкачивают из Сибири ресурсы, но главное — они выкачивают из людей волю к жизни. Чёрные души хотят окончательно разорвать связь Грязи с Чертогом. Если они завершат свой план, этот мир превратится в замкнутый круг. Души будут рождаться, забывать себя, страдать, умирать и снова рождаться здесь же, становясь вечными батарейками для их сытой и безбедной жизни. Аномалии, подобные тебе, они уничтожают ещё в детстве.

— Значит, в переулке они пытались убить вас, чтобы забрать этот тубус? — Егор кивнул на кожаный контейнер за плечами старика.

— Да. Здесь хранятся Хроники Истины — одна из немногих уцелевших рукописей Первой Эпохи, написанная на

языке Чертога. Она способна пробуждать тех, в ком ещё жив свет. Они охотятся за ней уже полвека. И теперь, когда ты помог мне, они знают, что в Светлогорске появился кто-то ещё. Кто-то очень сильный.

Старик поднялся с парты, его лицо снова стало собранным. Из коридора послышался далёкий звук шагов — профессор возвращался из деканата.

— Мне пора. В городе есть подполье. Нас немного, Хранителей Памяти, но мы боремся. Собираем архивы, спасаем тех, кто начинает вспоминать, саботируем планы Ордена Чёрных душ. Мне нужно познакомить тебя с ними, Егор. Вместе мы сможем обучить тебя, защитить твою семью и...

— Стойте, — Егор поднял руку, останавливая старика.

В голове парня возник образ матери, испуганно сжимающей полотенце в прихожей, и отца, который каждое утро послушно уходит на завод, принадлежащий этим самым монстрам. Ввязываться в войну планетарного масштаба прямо сейчас казалось ему безумием.

— Я благодарен вам за ответы, Матвей Иосифович. И я понимаю всю серьёзность ситуации. Но мне нужно время. Мне нужно побыть с этим... уложить всё в голове. Я не могу просто так бросить родителей и уйти в подполье. Дайте мне время на раздумья.

Матвей Иосифович внимательно посмотрел на парня. В его карих глазах не было разочарования — только глубокое сочувствие и капля грусти. Он понимал, какой груз обру-

шился на плечи обычного студента.

— Время — это роскошь, которой у нас почти нет, Егор, — тихо сказал старик, направляясь к запасному выходу из аудитории. — Орден уже ищет парня, который сжѐг руку их карателю. Они перероют весь город. Но я уважаю твой выбор. Хранители не принуждают.

Старик остановился у двери, достал из кармана небольшой, потёртый трамвайный билет старого образца и положил его на край стола. На обратной стороне билета карандашом был написан адрес и время.

— Если решишься — приходи сюда в субботу в восемь вечера. И будь осторожен. Смотри людям в глаза. Тьму внутри них теперь ни с чем не перепутаешь.

Дверь тихо закрылась за стариком как раз в тот момент, когда со стороны главного коридора послышался звон ключей Аркадия Семеновича. Егор остался стоять посреди пустой аудитории, сжимая в руке старый трамвайный билет.

Глава 5

Пятница превратилась для Егора в затянувшийся кошмар наяву. Светлогорск, скованный утренней изморосью и разбавленный ядовитым дымом заводских труб, больше не казался ему просто серым индустриальным городом. Теперь он видел его как огромную чашку Петри, где Тьма ставила свой затянувшийся эксперимент над человечеством.

Втиснувшись в утренний автобус, Егор стоял, крепко держась за холодный поручень, и делал то, что велел Матвей Иосифович, — смотрел людям в глаза.

Это было невыносимо. Большинство пассажиров не несли в себе осознанного зла, но их взгляды были... мертвыми. Души внутри них спали глубоким, беспробудным сном, убаюканные ежедневной рутинной, долгами и фальшивыми новостями, струящимися с экранов смартфонов. Эти люди послушно ехали на заводы Чёрных душ, отдавая свои жизни за бесценок. Но хуже всего было то, что Егор пару раз действительно натыкался на *них*.

На перекрёстке возле университета он перехватил взгляд мужчины в дорогом автомобиле. Тот на секунду опустил тонированное стекло, чтобы стряхнуть пепел. На мгновение, когда их глаза встретились, Егор увидел, как на дне зрачков незнакомца шевельнулась маслянистая, поглощающая свет чернота. Мужчина не набросился на него, он лишь слегка прищурился, словно почуяв чужака, и поехал дальше. Но Егора прошиб холодный пот. Они были повсюду — в банках, в дорогих машинах, на билбордах. Они управляли этим миром, пока остальные спали.

Весь день на лекциях Егор сидел, уставившись в одну точку. Внутри него шла тихая, изнурительная война. Обострённое, почти физическое чувство справедливости, проснувшееся вместе с древней памятью, буквально выжигало его изнутри. Он понимал, что не сможет остаться в стороне. Как

можно делать вид, что сдаёшь зачёты по выдуманной истории, когда настоящая история пишется кровью в тёмных переулках? Он согласится. Он пойдёт к Хранителям.

Но стоило ему принять это решение, как перед глазами вставало лицо матери.

Вечером дома он долго наблюдал за родителями. Отец сидел в кресле, устало разминая затёкшую после смены шею, и смотрел вечерний выпуск городских новостей. Мать суетилась у плиты, напевая какой-то простой мотив. Они были такими хрупкими, такими беззащитными в своей неосведомлённости.

«Если Орден узнает, кто я, они придут сюда», — эта мысль ледяным шипом вонзилась в сердце Егора. Чёрные души не пощадят его семью. Они используют родителей как рычаг, как приманку, как расходный материал. Чтобы защитить их, ему придётся либо лгать на каждом шагу, либо исчезнуть из их жизни вовсе. Оба варианта казались Егору предательством. Сердце разрывалось от бессилия и страха за тех, кого он любил в этой, текущей жизни.

В субботу Светлогорск накрыло густым сибирским туманом. Он напал со стороны бескрайней тайги, окутывая многоэтажки и превращая свет фар в размытые жёлтые пятна. До встречи, назначенной на восемь вечера, оставалось около двух часов. Егор бесцельно бродил по центру города, пытаясь унять дрожь в руках. Трамвайный билет лежал в кармане куртки, словно раскалённая монета.

Он как раз подходил к регулируемому перекрёстку на проспекте Metallургов. Пешеходы толпились у края тротуара, ожидая, пока загорится зелёный. Воздух был тяжёлым, пахло мокрым асфальтом и бензином.

Загорелся разрешающий сигнал. Толпа двинулась вперёд. Егор шёл чуть позади, погружённый в свои мысли, как вдруг боковым зрением уловил неестественную динамику.

Из тумана, на бешеной скорости и с выключенными фарами, вылетел тяжёлый чёрный внедорожник. Он не просто проскакивал на красный — он шёл напролом, целясь точно в группу пешеходов. А если быть точнее — траектория его движения вела прямо туда, где мгновение назад стоял сам Егор.

Время снова замедлило свой ход, как тогда, в переулке. Егор инстинктивно отпрянул назад, но заметил, что чуть впереди него шла девушка. На ней было светлое пальто, а в ушах блестели белые проводные наушники — она не слышала приближающегося урчания мощного мотора. Внедорожник летел прямо на неё.

Егор не успел подумать. Древние рефлексy сработали на опережение. Он сделал резкий выпад вперёд, вытянул руку и мёртвой хваткой вцепился в рукав её пальто, с силой дернув девушку на себя, назад, к тротуару.

В ту же секунду чёрная машина пронеслась мимо. Зеркало заднего вида внедорожника едва не задело куртку Егора, обдав их обоих волной грязного воздуха и брызгами талого

снега. Автомобиль даже не притормозил — он вильнул на перекрёстке и мгновенно растворился в сером тумане.

Они оба упали на мокрый асфальт. Девушка тяжело дышала, её капюшон слетел, растрепав каштановые волосы. В её широко раскрытых глазах застыл первобытный ужас. Пешеходы вокруг начали возмущённо кричать, кто-то пытался разглядеть номера уехавшей машины.

Егор поднялся первым, протягивая ей руку. Его сердце бешено колотилось, но не от испуга, а от ледяного осознания.

«Это был не несчастный случай, — подумал он, глядя туда, где скрылся автомобиль. — Они целились в меня. Они проверяли. Или пытались убрать. А эта девушка... она чуть не погибла просто потому, что оказалась рядом».

Она приняла его помощь и поднялась, до сих пор дрожа всем телом. — Спасибо... — её голос сорвался на хрип. — Он же даже не пытался затормозить... Если бы не вы, я бы...

— Всё позади. Вы целы? — Егор внимательно осмотрел её.

Она кивнула, пытаясь успокоить дыхание. У неё было бледное, очень выразительное лицо с тонкими чертами и удивительно тёплые, живые серые глаза. В этих глазах не было той сонной одури, которую Егор видел у большинства жителей Светлогорска в пятницу. В них горел чистый, настоящий, искренний свет. Свет души, которая ещё не растеряла себя в этой Грязи.

— Да, кажется, только испугалась, — она попыталась улыбнуться, хотя её губы всё ещё дрожали. Она протянула ему тонкую, слегка продрогшую ладонь. — Меня зовут Надежда.

— Егор, — ответил он, осторожно пожимая её руку. В момент прикосновения его затылок обдало приятным, мягким теплом — совсем не таким, как ледяной ужас от Чёрных душ. Это было прикосновение родственного, светлого существа, которое заставило его собственную душу отозваться тихим эхом.

Они вместе спустились в подземный переход метро, подальше от сибирского ветра и шума проспекта. Девушка всё ещё никак не могла унять дрожь, и Егор терпеливо стоял рядом, загораживая её от потока спешащих людей.

— Мне нужно как-то отблагодарить тебя, Егор, — Надя посмотрела на него снизу вверх, и в её серых глазах промелькнул живой интерес. — Спасение жизни — это не то, о чём забывают через пять минут. Дай мне свой телефон.

Егор на секунду замешкался, вспомнив, что его старенький смартфон наполовину разряжен после тяжелого дня, но послушно достал его из кармана куртки, разблокировал и протянул ей. Надя быстро вбила одиннадцать цифр своего номера, нажала кнопку вызова, дождалась, пока в её сумочке заиграет мелодия, и сбросила звонок.

— Вот, теперь я у тебя сохранена, — она вернула ему мобильный, на экране которого горела вкладка создания ново-

го контакта. — Напиши мне, как освободишься. Пожалуйста. Я действительно хочу угостить тебя хотя бы кофе.

— Обязательно напишу, — искренне пообещал Егор, сохраняя контакт под именем «Надя».

Она ещё раз робко улыбнулась ему на прощание, повернулась и скрылась за стеклянными дверями, ведущими к поездам. Егор остался стоять у колонны, глядя на светящийся экран смартфона. Эта короткая, абсолютно современная и будничная сцена парадоксальным образом окончательно сорвала все замки с его сомнений.

Чёрные души уже начали охоту. Оставшись в стороне, пытаясь притвориться обычным студентом, он не спасёт родителей — он лишь подставит их под удар под покровом мнимой безопасности. А ещё теперь в его мире появился этот чистый, настоящий свет по имени Надежда. И этот свет, как и всё человечество, нужно было защитить, во что бы то ни стало.

Егор убрал телефон, достал из кармана старый трамвайный билет, посмотрел на адрес и решительно зашагал к эскалаторам. Время сомнений вышло. Суббота, без двадцати восемь вечера. Он шёл на встречу со своим будущим.

Глава 6

Адрес на старом трамвайном билете привёл Егора на самую окраину Светлогорска, туда, где заканчивались се-

рые многоэтажки и начинался бесконечный частный сектор. Здесь мегаполис словно отступал, уступая место старой Сибири. Дорогу засыпало снегом, редкие фонари раскачивались на ветру, отбрасывая длинные ломаные тени на глухие деревянные заборы. Воздух здесь был другим — чистым, пахнущим печным дымом и морозной хвоей.

Нужное здание стояло на отшибе, окружённое вековыми, припорошёнными снегом соснами. Это был старый бревенчатый дом с надстройкой, на фасаде которого висела покосившаяся, выцветшая вывеска: «*Библиотека филиал №12. Исторический архив*». Окна были темны, лишь в самой глубине здания едва заметно брезжил тёплый жёлтый свет.

Егор поднялся по скрипучим ступеням крыльца и тихо постучал. Дверь почти сразу приоткрылась, и в щели показалось знакомое лицо Матвея Иосифовича.

— Заходи быстрее, Егор, на улице темень, — шёпотом произнёс старик, впуская парня внутрь и тяжело задвигая массивный железный засов.

Внутри пахло старой бумагой, сушёными травами и древесным теплом. Матвей Иосифович провёл Егора через лабиринт высоких книжных стеллажей, где на полках покоились тысячи томов — от советских энциклопедий до полуразрушенных рукописей в кожаных переплётах. Они спустились в полуподвальное помещение, переоборудованное под архив. Там, за большим дубовым столом, сидели ещё три человека.

Когда Егор вошёл, все разговоры смолкли. На него устремились взгляды людей, которые, как и он, помнили истину.

— Знакомьтесь, — Матвей Иосифович положил руку на плечо Егора. — Это Егор. Тот самый, о котором я говорил. В Первую Эпоху его звали Илай. Он полностью пробудился три дня назад в переулке на Metallургов.

Люди за столом зашевелились. Среди них был крепкий мужчина лет сорока с мозолистыми руками рабочего, молодая бледная женщина в очках и совсем седой старик, похожий на отставного военного.

Егор сделал шаг вперёд. В его серых глазах застыла непреклонная решимость. Он не стал дожидаться приветствий, а сразу перешёл к делу:

— Я согласен, — твёрдо произнёс он. — Я буду работать с вами. Я вспомнил Грязь, вспомнил Чертог и не могу делать вид, что ничего не происходит, пока Чёрные души превращают людей в скот. Но у меня есть одно жесткое условие.

Хранители внимательно слушали.

— Моя семья, — продолжил Егор, и его голос слегка дрогнул. — Мои мать и отец. Они ничего не знают и не должны узнать. Орден уже охотится за мной, сегодня они пытались подстроить аварию на проспекте. Если они выйдут на моих родителей, те станут заложниками. Вы должны обеспечить им абсолютную безопасность. Иначе нашей сделки не будет.

Мужчина с мозолистыми руками, которого, как выяснилось позже, звали Петром, тяжело кивнул: — Это справед-

ливо, парень. Мы умеем путать следы. За твоим домом будет установлено круглосуточное наблюдение наших людей. Если Орден проявит хоть малейший интерес к твоим родителям, мы вывезем их из Светлогорска по нашим подземным каналам в тайгу, на дальние кордоны. Даю слово Хранителя.

Егор облегчённо выдохнул. Первое препятствие было преодолено.

— И ещё одно, — добавил Егор. — Я не брошу университет сейчас. Мне осталось всего несколько месяцев до защиты диплома. Если я исчезну прямо сейчас, это вызовет подозрения у родителей и у Ордена, который наверняка проверяет списки студентов-историков. Я доучусь.

— Это разумно, — согласился Матвей Иосифович. — Днём ты будешь обычным студентом Егором. А по вечерам и выходным здесь, в архиве, мы начнём обучать тебя. Ты должен научиться контролировать внутренний свет, читать Хроники Истины и защищать свой разум от ментальных атак Чёрных душ. Тебе предстоит долгий путь.

Возвращаясь домой на ночном автобусе, Егор уже точно знал, что он скажет родителям. План созрел в его голове сам собой.

На следующий день, за воскресным обедом, когда вся семья собралась за столом, Егор как бы между прочим завёл разговор: — Mam, пап, у меня тут новость. Профессор с кафедры порекомендовал меня в крупную архивную компанию. Они занимаются оцифровкой древних документов.

Филиал находится в закрытом научно-исследовательском городке в глубокой тайге, за пару сотен километров от Светлогорска.

Елена Николаевна отложила вилку, её лицо тут же сделалось тревожным: — В тайге? Егорушка, но у тебя же диплом на носу!

— Мам, в том-то и дело, — мягко улыбнулся Егор, стараясь, чтобы его голос звучал максимально убедительно. — Они разрешают мне дописать диплом удалённо. Я приеду в город только на саму защиту через три месяца. А платят там столько, что я смогу сразу закрыть все свои хвосты и помочь вам. Но контракт строгий — там закрытая зона, сотовая связь ловит плохо, так что звонить буду редко, в основном писать сообщения.

Отец, Михаил Юрьевич, одобрительно хмыкнул, похлопав сына по плечу: — Хорошее дело, Егор. Мужчина должен уметь зарабатывать и цепляться за шанс. Раз профессор рекомендует — поезжай. Мы справимся.

Сердце Егора сжалось от горькой боли. Он лгал им в глаза, зная, что через три месяца, когда диплом будет защищён, он не вернётся домой. Он полностью посвятит себя войне с Тёмными духами, растворившись в подполье. Получится ли у него выжить в этой схватке и когда-нибудь снова обнять мать и отца? Ответ на этот вопрос скрывался за густым сибирским туманом будущего.

Вечером, закрывшись в своей комнате, Егор достал смарт-

фон. На экране светился контакт «Надя». Парень замялся, но обостренное чувство справедливости и то тёплое воспоминание о её спасении заставили его нажать кнопку вызова.

Трубку взяли после первого же гудка, словно девушка сама сидела и гипнотизировала телефон. — Егор? Привет! — раздался в динамике её звонкий, чуть взволнованный голос. — Я так рада, что ты набрал. Как ты?

— Привет, Надя. Всё хорошо, — Егор улыбнулся, глядя в окно на падающий снег. — Знаешь, твоё предложение насчёт кофе ещё в силе? Я подумал, что завтра после пар мы могли бы встретиться в кофейне у университета.

— Конечно в силе! — с радостью ответила она. — Буду ждать с нетерпением.

Егор нажал отбой. Он закрыл глаза и снова увидел её лицо — бледное, с тонкими чертами и удивительными, пронзительно-серыми глазами, в которых горел чистый, неугасающий свет. Этот свет манил его. Парень ещё не знал, какую роль Надежде суждено сыграть в его судьбе и в судьбе всего этого мира, но он точно знал: ради того, чтобы эти серые глаза никогда не заполнила чернота Ордена, он готов пройти через любой ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.